

Шерлок Холмс и его последователи

Очерк

Если бы старый друг нашего детства Джемс Фенимор Купер мог ознакомиться теперь с бесчисленным потомством своего знаменитого «Искателя следов», он был бы наверное поражен при виде того, что вызывал его невинный пример.

Из романтических, полных благородства и любви к ближнему, трогательных индейских рассказов американца, которые несмотря на все недостатки в стиле, все же относятся к литературным произведениям, с течением времени выродился особый вид литературы, бессмысленной и недостойной, которая имеет лишь отдаленное сходство со своим первообразом. Переходной ступенью от Купера к Шерлоку Холмсу послужили рассказы, описывавшие фантастические приключения в прериях, полные кровавых сцен, но все же трогательные и благородные. Эти рассказы в виде отдельных книжек продавались сначала по двадцать пять, потом десять центов и расходились в огромном количестве. Но это, уже в достаточной мере жалкое, чтение юношества шестидесятых и девяностых годов в двадцатом веке уступило место потоку периодически появляющихся рассказов, которые рассчитаны только на нездоровую любовь к сенсационным происшествиям.

В этих рассказах герой, завоевавший сочувствие публики, проходит перед читателями в многочисленной серии книг, причем каждый раз придумывается новое сенсационное приключение, новый геройский подвиг его, который, однако, не имеет ничего общего с предыдущим для того, чтобы книжка легче раскупалась. Объявления о вновь выходящей книге с новым подвигом героя под заманчивым названием вновь захватывает публику, и таким образом, круг читателей все расширяется.

Этот новый вид «литературы» является соединением индейских рассказов с обыкновенными площадными романами, которое так заинтересовывает читателя, что его не пугает затрата на все увеличивающееся число книжек. И настоящий бульварный роман в своем прежнем виде уступил место этому потоку грязных брошюрок, который удовлетворяет вкусу взрослых и детей. Душераздирающе романы остались только в руках сентиментальных женщин, отцы и братья которых теперь зачитываются Ник Картером.

Вместо классических индейских и разбойничьих рассказов Купера («Буффало Билль» «Джэк из Техаса» и др.) на сцену выступили рассказы из жизни сыщиков.

Начало было положено Шерлоком Холмсом, и «Ник Картер, похождения всемирного сыщика», «Этель Кинг, женщина сыщик», «Нат Пинкертон» – наперерыв стараются удовлетворить жадное любопытство публики своими кровавыми похождениями. Какую роль в этих рассказах играет фантазия, может показать следующий пример:

В серии «Тайны всемирного сыщика Шерлока Холмса», под названием «Убийца девушек в Бостоне» рассказывается такое чудовищное происшествие. Елизавета Ремингтон, молодая жена профессора, исчезла при очень загадочных обстоятельствах. За розыски ее принимается Шерлок Холмс. Его пытливый ум на основании мельчайших подробностей заключает, что она питала преступную склонность к женщинам. Он находит извозчика, который возил ее в гостиницу с

особой сомнительного поведения. В этой гостинице есть ресторан, который славится в городе своими необыкновенно вкусными сосисками и охотно посещается публикой. Шерлок Холмс велит подать себе пару сосисок, разрезывает их, и на его тарелку падает что-то с легким звоном. Что же это? Не что иное, как драгоценный камень с выгравированными буквами Е.Р., очевидно, выпавший из кольца. Чудесным путем он находит комнату, которую занимали обе женщины, и ложится там на диван. Толчок, и Шерлок Холмс вместе с диваном стремглав несется вниз. Диван останавливается: он на бойне, где на крючках развешаны женские тела. Сыщик попадает лицом к лицу с мясником страшного вида, и не менее страшным бульдогом. Но он, конечно, счастливо избегает опасности, свисток – появляются его помощники, которые схватывают убийцу девушек. Желая, однако, окончательно убедиться в несчастной участи жены профессора, он допрашивает мясника и узнает, что в леднике еще имеются остатки ее тела.

Бравый сыщик заключает рассказ нравоучением, глубокомысленно замечая, что недостойная женщина хоть смертью своей принесла пользу людям.

Этот рассказ, не единственный в своем роде, был отобран учителем у одного школьника, дед и отец которого также читали эту книгу и дали ему ее для чтения. Это очень знаменательный психологический факт. В широких слоях народа живет влечение ко всему потрясающему, возбуждающему нервы и удовлетворяющему низменные инстинкты души, и это чувство находит себе удовлетворение в чтении подобных книг, на обложке которых рисуются самые ужасные сцены, вроде вышеописанной бойни с пятью-шестью окровавленными женскими телами, и картины эти еще более разжигают любопытство читателя.

В Гамбурге маленькая табачная лавочка ежемесячно покупала на двадцать пять марок этих книжек, и это еще очень маленькая сумма в сравнении с оборотами других торговцев этими книжками. На десятипфенниговых книжках они `наживают пять, а на двадцатипфенниговых – восемь пфеннигов. Во многих торговых одна новая книжка обменивается на две-три старые, причем последние вновь продаются менее требовательным читателям с ограниченными средствами. Смешливые мальчики с рано развитым духом наживы собирают маленькие библиотечки этих произведений и дают их товарищам для чтения по пфеннигу за штуку.

Содержательница вышеупомянутой табачной лавки на просьбу прекратить продажу подобных произведений ученикам соседней школы простодушно сказала: «Мы и то уже думали сделать это сами, так как наш мальчик стал ходить в школу, а ему этого читать не следует». И на вопрос, зачем же давать чужим детям яд, от которого оберегаешь собственного, сухо заметила, что это дело коммерческое.

В судебной практике накопилось много фактов, показывающих наглядно, насколько чтение подобных книг развивает склонность к преступлениям и убийствам. Возможно, конечно, что такие результаты являются только тогда, когда почва уже достаточно подготовлена развращающей средой или наследственностью. Но это только показывает, сколько вреда приносит подобная литература, усиливая и развивая низменные инстинкты.

Естественное влечение к этической литературе, у одних к более реальным рассказам, у других к более романтическим и фантастичным, направлено теперь в самую нездоровую сторону. Удовлетворяют читателя самыми необыкновенными возбуждающими приключениями и представляют только людей сверхчеловеческой силы и способностей. Жизненный опыт читателя не может представить ему никакого критерия для этой жизни и тех условий, в которых вращаются его герои, и разгоряченная фантазия его направляется по странному пути, нисколько не похожему на тот прекрасный, гармонирующий с природой и душой народа, путь фантазии, по которому следовали гениальные творцы сказок и преданий. Этот новый путь фантазии влечет за собой только огрубение нравов, ожесточение и исчезновение всех тонких, благородных душевных чувств.

Страсть к чтению, направленная в сторону сенсационной литературы, губит много жизненных сил, даром тратящих энергию на поглощение ее произведений.

Ребенок, голова которого набита разбойничьими кровавыми историями, несомненно почувствует отвращение к сухим школьным занятиям. Но этого мало. Начитавшись литературной грязи, он уже не в состоянии будет впоследствии понять и оценить настоящее художественное произведение, которое его испорченному вкусу покажется слишком скучным.

Многие утверждают, что в натуре мальчика в известное время проявляется любовь к приключениям. Если предположить, что жизнь ребенка в своем развитии проходит те же ступени, что и жизнь народа, то действительно следует допустить, что в известном периоде мальчиками овладевает стремление к необыкновенным геройским подвигам и приключениям. Но разве воспитание должно идти навстречу этой склонности? Не лучше ли дать этому времени пройти как можно скорее и незаметнее? Зачем дать исход этому влечению в фантастическом чтении, и не лучше ли было бы направить фантазию ребенка в другую, менее вредную сторону? Пусть мальчик, выдумывающий приключения, чтобы хоть мысленно пережить их, остается в пределах реального, пусть он бегаёт по полям и лесам, и в поисках за таинственным и чудесным изучает свою родную землю. Далекие прогулки, ночлеги на открытом воздухе при свете костра, серьезно направленные и выполняемые игры и гимнастика – вот что может удовлетворить мальчика в его стремлении к необычным приключениям и направить его фантазию и творческие силы в сторону полезного.

Мальчик, ведущий такой образ жизни, не станет сидеть в душной комнате за нелепыми приключениями Пинкертонов и Картеров, которые покажутся ему малоинтересными.

Несомненно, что условия жизни больших городов очень неблагоприятны для подобного образа жизни детей, но надо надеяться, что найдутся способы доставить и детям пролетариата возможность удовлетворить их фантазию и стремление в таинственную даль.

В организованных играх на воздухе и здоровой физической работе лежит путь к отвлечению детей от развращающего чтения бульварной литературы.

И на этом пути должны соединиться, как общественные организации, так и родители.

И в то время, как первые будут стремиться к тому, чтобы отвлечь и занять детей здоровыми играми, вторые должны тщательно следить за чтением и выбором книг. Пусть они отучат детей смотреть на чтение, как на развлечение и развивают в детях серьезное отношение к книге, которая должна читаться ребенком совместно с родителями. Общее чтение приучит его смотреть на книгу, как на серьезное занятие и сделает невозможным взгляд на нее, как на предмет развлечения.

Школа силой навязывает ребенку умение читать, и отсюда вытекает долг ее наблюдать и следить за выбором книг, долг развивать в своих воспитанниках литературный вкус. И те же бессмысленные, полные крови и преступлений рассказы о Пинкертонах и Картерах в умелых руках могут служить прекрасным противоядием против подобного чтения. Если бы учитель прочел в классе одну из таких историй, указал бы всю ложь подобных измышлений и раскрыл перед учениками всю несостоятельность и нравственный вред, приносимый таким чтением, ему легко удалось бы вместо чувства удивления перед подобными подвигами вызвать в детях критическое отношение к ним.

Сильным оружием в борьбе с таким чтением может служить и чувство гордости. Если доказать мальчику, что подобные книги рассчитаны только на глупость и испорченный вкус читателя, гордость его не позволит ему больше увлекаться ими. У ребенка очень живо чувство унижения при мысли показаться старшим глупее, чем они, и это чувство может быть с пользой употреблено для отучения его от дурных вкусов. Между тем воспитатели пренебрегают этим средством, довольствуясь сухими указаниями и запрещениями вместо того, чтобы действовать на благородную сторону ребенка.

Возможно, конечно, что во многих случаях, все вышеуказанные способы борьбы с вредной литературой окажутся несостоятельными, в особенности там, где отцы и матери сами находят интерес в подобном чтении. И это обстоятельство в связи с все возрастающим пороком бульварной литературы должно заставить общество сплотиться для единодушной борьбы с вредной растлевающей душу народа и юношества Пинкертоновской и Картеровской литературой.

Не надо забывать, что борьба предстоит трудная, так как издание этих книг разрослось в огромную спекуляцию, которая располагает большими капиталами, и трудность борьбы увеличивается еще тем, что неизвестны ни имена писателей, отдающих свое перо на службу низменной спекуляции, ни издателей, выпускающих в свет эту ядовитую заразу. Но кто бы они ни были, им должна быть объявлена беспощадная война, девизом которой должно быть: «Долой сыщиков и их подвиги».